

«Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...»

Ренатус

2010-07-17

Вот и сегодня, и на этот раз долго не мог решить, писать вам или воздержаться, как делал это в прежние годы, о сегодняшнем имениннике – выдающемся нашем психологе – Александре Романовиче Лурии.

Фигуре – и в научном, и в человеческом плане - как теперь говорят – сложной и неоднозначной.

И все же я скажу вам о нем несколько слов.

Помню тот августовский день далекого теперь 77 года, когда, возвращаясь из Пярну со своей будущей женой Светой, я при огромном чемодане в самой толчее вагона московского метро наткнулся вдруг на Витю, нет, теперь уж, конечно, так не скажешь - на Виктора Федоровича – Петренко, первыми словами которого были: «ты – туда?» - «Куда?» - был мой недоуменный встречный вопрос. «Ну, на похороны Лурии».

Для меня это было прямо-таки снег на голову.

Потом наши учителя уходили один за другим, но А.Р. был первым.

И это доходило как-то с трудом.

Я лично многим обязан А.Р.

С конца моего первого курса, после весьма острого диалога, который случился ... на консультации перед экзаменом, А.Р. заметил этого, несколько излишне самоуверенного и даже нагловатого, но – серьезно ищущего молодого человека (видите: я не только был когда-то молодым, но уже и тогда был с неотменяемыми (но – отменными) своими качествами) и, что называется, «глаз на меня положил» (не подумайте чего – и А.Р. и ваш покорный слуга всегда были безнадежно нормальной ориентации).

Он трогательно опекал меня, вызывал на разговоры, в которых убеждал меня заняться нейропсихологией, ставя в пример своего любимого тогдашнего ученика – ~~Денку~~ Гольдберга – действительно невероятно талантливого и не по годам продвинутого студента (нынче он, насколько я знаю – Элхонн Гольдберг – выдающийся нейропсихолог, профессор Нью-Йоркского университета и директор Института нейро-психологии и познавательных процессов, одна из толстых книг которого (Управляющий мозг. Лобные доли, лидерство и цивилизация) вышла недавно и на русском языке).

Почему я все-таки не стал не только нейропсихологом, но и вообще не пошел в клинику - это я, опять же, не раз рассказывал студентам, да и рассказ этот – не к сегодняшнему дню.

Через А.Р. психология уже тогда стала открываться для меня как бы изнутри.

А.Р. много рассказывал о своем учителе Выготском, об Эйзенштейне, с которым был дружен, о Бернштейне, которым я тогда был увлечен, снабжал меня книгами, которых не было ни в одной из доступных мне библиотек, пытался вовлечь меня в свои тогдашние дела.

Именно он привлек меня – тогдашнего желторотого студента третьего курса – к работе по подготовке собрания сочинений Выготского. Причем, кроме разного рода «черной» работы с текстами Выготского (о некоторых, связанных с этим – курьезных и печальных – эпизодах я также уже рассказывал, рассказывал, в частности, о скандальной нечистоплотности тогдашних редакторов этого, вопиюще безобразного в текстологическом

отношении издания) А.Р. предложил нам «на троих» – мне, ~~Денке Гольдбергу~~ и Пеэтеру Тульвисте (теперь и к нему, как и к В.Ф., надо было бы обращаться почтительно – Пеэтер теперь тоже академик и (пусть и бывший) ректор Тартуского университета, и чуть не стал даже эстонским президентом (ну и слава богу, что не стал) – так вот, А.Р. предложил нам «на троих» ... перевести с английского (!) для собрания сочинений одну из ранних работ Выготского – «Орудие и знак».

Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста, к тому же – без списка литературы и с пропусками в тексте в местах ссылок на эту литературу.

И вот мы разделили текст – по главам – на три части и стали переводить.

Ну, я, как сейчас не знаю ни одного иностранного языка (а, как показывают эти мои рассылки – на что снова и снова пеняет мне моя филологически подкованная дочь – не знаю даже и русского – «ну, что ж, я извиняюсь, но в глубине – ничуть не изменяюсь» - эй, филологи – откуда это?), так и тогда уже не знал! Но – перевел-таки.

Потом мы с А.Р. несколько вечеров читали и правили этот мой, простите за выражение, перевод.

Важно было ведь не только точно передать смысл текста, но и найти русские эквиваленты – по языку и стилю – английскому тексту Выготского. Которого я, опять же (хоть меня и держат за «знатока» Выготского), как теперь не знаю (да, я до сих пор его «Мышления и речи» до конца не прочел – честно!) – так и тогда уже не знал (уловили, что значит тут это «уже»? – да то, что я не хотел знать – ни (прости, господи) Выготского, ни этого вашего английского! – у меня уже и тогда были дела поважнее).

Но я не об этом сейчас.

И вот после того, как каждый из нас перевел свой кусок и с А.Р. его «выправил», а потом мы еще «свели» и унифицировали эти свои переводы – месяца три или четыре мы пыхтали – после всего этого вижу я как-то А.Р. в конце коридора нашего родного психфака, и он меня увидел, расцвел в своей незабываемой «лурьевской» улыбке и прямо чуть ли не побежал мне навстречу: «Андрей – кричит мне – представьте: вчера в сундуке у Розы Ноевны (тогда еще живой вдовы Выготского) мы нашли-таки русский текст «Орудия и знака»! И улыбается так широко и трогательно-наивно!

Ну, что ж, зато – поработали. И, надо сказать – не зря. Да и – неплохо, как оказалось при сопоставлении нашего «обратного» перевода с русским оригиналом – значит что-то поняли в тексте Выготского.

Сам Выготский, кстати, в одной из своих ранних работ (нет, кое-что о Выготском я все-таки знаю), в одном из трех своих докладов на 1-м психоневрологическом съезде в Петрограде в 24-м году (на котором, кстати, его – тогда заштатного провинциального школьного учителя – и «выловил» для психологии не кто иной, как А.Р.!), так вот Выготский предлагал изучать понимание текста методом его «многократного перевода» с одного языка на другой и обратно – красиво, однако! (Для этого, правда, хотя бы два языка нужно знать, но Выготский это, естественно, «выносил за скобки»).

К чему это я рассказываю вам эту байку – а их можно было бы вспомнить много, да – только к тому, чтобы отметить эту его, такую важную для нас, тогдашних студентов и его учеников, щедрость (где он только на все это брал время?) и способность вводить нас в психологию через включение в какие-то уже не школьные, серьезные свои дела.

Ну, поскольку в день памяти – «или – хорошо, или – никак!», я не буду сегодня говорить об «обратной» стороне самого А.Р. – а она у него была (но у кого из нас ее нет?).

Прошу прощения у вас, но я скажу все же несколько, быть может, не подходящих для сегодняшнего дня слов – не о самом А.Р., но о судьбе его дела, а, ближайшем образом – его архива. Не могу не сказать несколько горьких слов об этом.

Я не знаю, что стало с огромным и чрезвычайно ценным домашним архивом Лурии, который при жизни его дочери, Елены Александровны, располагался частью в ее московской квартире, а частью – на втором этаже и в ... сарае (!) лурьевской дачи.

В приложении вы найдете давнюю фотку, сделанную во время визита на лурьевскую дачу в далеком 85 году, где вы увидите не только мою дочь, но и Елену Александровну – выдающегося биолога, к сожалению, вскоре трагически погибшую совсем еще молодой.

По ее просьбе я в свое время вел домашний семинар по ранним работам Лурии, в традициях самого А.Р. – «вкусный» семинар – с чаем и пирогами. И с ее разрешения я тогда «перелопатил» и привел, хоть в какой-то порядок, часть этого домашнего архива Лурии.

Ту его часть, которая размещалась на огромных антресолях в коридоре тогдашней квартиры Е.А., где я мог стоять почти в полный рост, и где все тогда было свалено в кучу, где в полном беспорядке были навалены папки, отдельные листы и конверты, и где, особенно внимательно разбирая материалы, касающиеся Выготского, материалы, о которых тогда никто и не знал, да и до сих пор отчасти не знает. Быть может, где-то там сохранилась «опись» этих материалов, которую я тогда сделал – да только не уверен я, что все это цело.

Что-то не слышал я о раскрытии этого архива (не знаю, в чьих руках он теперь находится). А вот про то, что некоторые материалы из него ... предлагаются к продаже в Интернете (!) – слышал. Грустно. Ну, да что об этом.

Там-то я и обнаружил опубликованные недавно – через 20 лет (!) после того, как они были подготовлены к печати – письма Выготского к Лурии (историю, связанную с публикацией этих писем в нашем любезном Вестнике – историю, во многом анекдотическую, но – особого рода – «анекдотического маразма», я также не раз рассказывал студентам).

Да, - по молодости лет я действительно занимался-таки Выготским, наивно полагая, что Выготский еще может быть кому-то всерьез интересен.

И, в отличие от некоторых историков от психологии, которые, после выхода моей книжки о Выготском, обвиняли меня, что я все про него насочинял, что Выготского я и в руках не держал – в отличие от них я-то Выготского в руках подержал изрядно, да и им такую возможность предоставил своими публикациями из его архива. Ну, да – опять я не о том.

Сказать-то я хотел даже не о той части архива, которая находилась дома, но – о той, что была передана в наш «альма матер» (так и хочется выразиться тут по этому «матер», да не буду – вдруг кому из вас еще и 16-ти нет).

В свое время (быть может, с тех пор все тут изменилось? – как же – не верю я в это!), в свое время – только благодаря личному расположению ко мне тогдашнего заведующего этой частью Университетского архива – я был допущен к просмотру той части архива Лурии, что хранилась в затхлом подвале напротив старого института психологии. ~~Хранилась~~ в том виде, как она была сдана туда лет десять как – в открытых ящиках и коробках, на которых к тому времени лежал толстенный, с палец, слой пыли и, простите – крысиный помет.

Архив был не разобран и не описан. Да и кто бы стал этим заниматься? – В самом архиве было полтора сотрудника, а у нашего родного факультета, у кафедры, созданной и многие годы возглавлявшейся А.Р., руки не доходили даже до оставленной им факультету библиотеки.

Архив был не разобран и не описан, то есть – абсолютно непригоден для работы с ним (почему обычные граждане к нему и не подпускались) и считался (и самими наследниками – потому-то они его туда и сдали в надежде, что так будет и сохраннее и, что там – разберутся – наивные!) второстепенным по своему значению, поскольку, как заверил меня его зять, туда были сданы только те материалы, которые были уже опубликованы.

Но это было далеко не так.

Там было (быть может, и до сих пор есть, если мыши не съели) много презанятных материалов, касающихся не только биографии А.Р., но и – интересных с точки зрения «неписанной» истории нашей психологии, правда, быть может – таких ее глав, которые и до сих пор «неудобны» для нашей истории психологии.

В частности я видел там материалы, относящиеся к малоизвестному эпизоду с «проваленным» выдвижением А.Р. на «ленинскую премию».

Да и – много чего еще.

Но, прежде всего, под сантиметровым слоем пыли лежали десятки, нет – сотни, я думаю, историй болезней, собственноручно описанных и разобранных самим А.Р.!

Все наши «клинические» факультетские аспиранты – дай бог им вовремя и успешно защитить свои высоконаучные труды! – все они, я думаю, вместе взятые, не собрали и малой толики того, что до сих пор гниет в этих коробках, не говоря уже о качестве этих разборов.

Но, скажете вы, как-то эти материалы были использованы самим А.Р. в его монографиях. Да, конечно. Но ведь – далеко не полностью, и уж, во всяком случае, они не были опубликованы.

Теперь они, при нынешнем развороте нейропсихологии в сторону чисто физических методов диагностики, понятное дело, и подавно никому не нужны.

Но, вообразите только, что где-то вот так лежали бы и гнили «анализы», выполненные стариком Фрейдом (на счастье архивариусов, он, как мы знаем, записей не вел и все свои случаи, включая даже и «человека-волка» описывал по памяти).

Можете такое вообразить? Да – нет: среди психоаналитиков, по крайней мере, дураков нет! Ведь это же все – валюта! Это – на Сотби нужно нести, а не по нашему убогому Интернету предлагать! Ну, да что мне, в конце концов, до всего этого!

Но грустно ведь, Александр Романович! Грустно и горько!

И можно устраивать шикарные с фуршетами международные симпозиумы в честь Лурии, да только, я думаю, уважение к памяти ученого начинается с уважительного отношения к его наследию.

О котором он сам не успел озаботиться, упав замертво у телефона 33 года назад.

Ренатус

Поступила в редакцию: 23.07.2012 г.

Сведения об авторе

Ренатус – анонимный блогер.